

Пролог

Июнь 2017 года

Чужие шаги были едва различимы за шумом барабнящего по листьям дождя, вздыхающих на ветру ветвей, грохочущего грузовика, проехавшего вдалеке по Блендфорд-роуд. Мне казалось, что я снова слышала то, чего, по словам Нейтана, на самом деле не было.

Вдоль дорожки горели немногочисленные фонари, тень от Солсберийского собора, подсвеченного прожекторами, падала на гравий. Столетие назад в этом месте убили женщину; в такие пасмурные вечера, как сегодняшний, ходить тут было страшновато.

Иногда констебль, патрулирующий Подворье*, прогуливался поблизости со своей немецкой овчаркой или где-то впереди смеялись идущие домой из паба женщины. Случись так сегодня, я чувствовала бы себя среди людей или, по крайней мере, в большей безопасности. Но мне не повезло.

---

* В оригинале Close (Ближний Круг, Окрестность), имя собственное — историческая территория Солсберийского собора.

Я заторопилась; приближающиеся шаги зазвучали громче. Они казались совершенно реальными. По коже поползли мурашки — будто множество муравьев пробиралось от воротничка к волосам. Мне захотелось провести по шее ладонью, но я боялась наткнуться на чужие пальцы, протянувшиеся к моему горлу.

Я заставляла себя обернуться и не могла, хотя следовало бы. Мне сорок девять, я врач, жена и мать. И я привыкла встречать неприятности лицом к лицу.

Я обошла лужу, а через несколько секунд раздался тихий всплеск — чья-то тяжелая нога ступила в воду.

И тогда я побежала.

Глава 1

Февраль 2017 года

*А*двокат посоветовала изложить все письменно, с самого начала. Но начала как такового не было. Я шла к этому годами. И все же, если выбирать конкретное время, я вернулась бы на пять месяцев назад, к тому моменту, когда припарковала свою машину на почти пустой стоянке. Мне не стоило этого делать. Я могла бы поехать сразу домой; сначала я так и решила. До этой точки боги могли бы удержать меня от кривого пути, и сейчас я сидела бы дома с мужем, а не под слепящей лампочкой в одиночной камере следственного изолятора.

Свет в регистратуре клиники все еще горел, что для восьми часов вечера было довольно странно. Кэрол, должно быть, задержалась на работе, ожидая, пока я верну на место медицинские карты, несколько пачек которых остались у меня на руках после еженедельного осмотра пациентов в Сарумском доме престарелых. Этими описаниями жалоб и обследований, наблюдений и результатов, копившимися на протяжении всей жизни и криво подшитыми под

бледно-коричневые картонные обложки, мы привыкли пользоваться на выезде, потому что они были довольно компактны и напоминали о старом добром прошлом, когда у врачей было больше времени. Роджеру Моррису, одному из владельцев клиники и практикующему терапевту, это нравилось. Он говорил, что подробные записи и сами по себе служат подсказкой другим докторам, а уж пометки на их полях — тем более.

Я чуть не проехала мимо. Нейтан, вероятно, уже вернулся домой и начал готовить ужин. Мы договорились сделать это вместе, я обещала внести свой вклад, но карты — собственность клиники, и, взяв их домой, я нарушила бы правила. Тогда я еще была «хорошей девочкой», как выразился бы Нейтан. Или, по крайней мере, старалась придерживаться установленного порядка.

Чтобы вернуть карты на полку, требовалось всего несколько минут. Я включила правый поворотник и проехала через ворота на стоянку клиники. Решила, что сделаю дело — и сразу назад. Быстро покачу по безмятежным улицам Солсбери, а потом через еще более тихую территорию собора — и все-таки успею к ужину. Мы посмотрим десятичасовые новости, а потом один из нас выведет Пеппера на вечернюю прогулку. Нейтан проверит, заперты ли двери, и мы отправимся в постель.

Обойдемся без секса, который теперь стал редким явлением в нашей жизни. В последнее время Нейтан постоянно думал о чем-то своем, а мне, если честно, не хотелось. Я не могла припомнить, когда занимались любовью в последний раз, но не забыла свою

раздражительность — из-за гормонов или их нехватки — и отсутствие желания тоже. А еще потливость, одолевающую меня по ночам, и головные боли, иногда очень острые. Усталость, и свою, и Нейтана, в которой не было ничьей вины — мы были очень заняты на работе. Но мы были близки, близки достаточно. По крайней мере, я так думала. Секс не имел значения и ни на что не влиял, хотя теперь я вижу, что ошибалась. Его отсутствие повлияло на все.

Мы вели размеренную жизнь, безопасную и спокойную, на зависть многим. В спальне у каждого в изголовье висел отдельный прикроватный светильник, тишину нарушал только шорох переворачиваемых нами страниц. Нейтан минут через десять обычно откладывал книгу, выключал свою лампу, отворачивался и засыпал. А я лежала без сна, иногда всю ночь слушая, как колокола собора отбивали каждую четверть часа, и думала о Лиззи, о своих пациентах, о списке дел на следующий день, об обходах и результатах, записях и приемах. Когда мое сердце начинало учащенно колотиться, а мысли превращались в кашу в голове, я поднималась, чтобы заварить себе чашку чая, а затем снова возвращалась в постель. Слушала шум проезжающих машин и наблюдала, как по потолку скользят и исчезают успокаивающие, таинственные и дружественные призрачные пятна света.

«Киа» Кэрол стояла на парковке рядом с «Фордом» Дебби. Через два пустых места от них был припаркован красный «Мерседес» — кабриолет с опущенным верхом. В феврале. Видимо, кто-то с билетами в театр

хотел произвести впечатление на свидании и при-
ткнул здесь машину в самый последний момент.

Был ли там еще один автомобиль, стоявший
в дальнем углу, где под нависающими ветвями бле-
стел вечно скользкий из-за гниющих листьев ас-
фальт? Возможно, только я не заметила — к тому
времени уже стемнело, а под деревьями особенно
сильно. Я бросила взгляд на свое отражение в свер-
кающем от падающего из окон клиники света боку
«Мерседеса» — маленькая фигурка с развевающимися
волосами боролась со встречным ветром. К счастью,
было слишком поздно, чтобы столкнуться с кем-то
из пациентов, и это вселяло надежду, что визит ока-
жется недолгим.

Я ошиблась. Напряженная обстановка почувство-
валась сразу у входа. Кэрол нагнулась над стойкой
регистрации, держа в руках карточку временного
пациента. Беременная Дебби, стоявшая рядом с по-
темневшими от усталости глазами, слушала ее, скло-
нив голову к плечу и прикрывая живот рукой. Мне
вспомнилось собственное состояние после дежурств
в клинике двадцать четыре года назад. Я уловила
лишь конец фразы:

— ...риск суицида. Я отвела его в кабинет Рэйчел.
Понимаю, что уже слишком поздно, но я не смогла
отказать.

В этот момент Нейтан, наверное, уже откупори-
вал вино на кухне. Охлажденное «Шардоне», его
любимое. Я обычно предпочитала красное, особен-
но зимой — после рабочего дня мне хотелось теп-
ла. Я представила, как муж поглядывает на часы. Но
упоминание о возможном суициде качнуло весы

в другую сторону. Перед моим внутренним взором всплыло лицо Лиамы. Круги под глазами, сжатые кулаки, отчаяние, которого я не замечала.

— Я разберусь с этим, Дебби.

От моих слов она вздрогнула и обхватила руками живот. Я не хотела ее напугать, но дверь открывалась бесшумно и в клинике год назад заменили ковровлин. Он был новый, плотный и хорошо заглушал звук шагов.

— Так будет лучше. — Я сбросила кипу карточек в лоток для входящих документов. — Тем более он уже в моем кабинете.

— Ты оставила его незапертым. — Кэрол провела рукой по своим блестящим волосам. — Пациент показался мне очень расстроенным.

— Не переживай, — тепло улыбнулась я ей. — Я рада, что ты ему не отказала.

Как и регистратура, кабинет Дебби был сугубо функционален. Мать малыша, беременная вторым, не имела времени, чтобы придать рабочему месту хоть малость домашнего уюта. Впрочем, она в этом не нуждалась. Ее жизнь за стенами клиники и без того была наполнена яркими красками, шумом, звонками подруг, детьми, смехом и болтовней.

Наша с Нейтаном жизнь была очень тихой. Мужу нравился пастельный оттенок стен — дома ему хотелось покоя. Зато для своего рабочего кабинета я выбрала цвета по собственному вкусу. Бирюзовые стены, постер со Средиземным морем: красные лодки на фоне синевы; фотография вулкана, извергающего золотые и алые брызги раскаленной лавы. А еще фото Нейтана с Лиззи на столе, коробки с игрушками под

кушеткой и красные кресла-мешки, чтобы дети могли на них валяться. Для приятного запаха я расставила повсюду пучки сушеной лаванды из сада моей соседки Виктории. Все эти мелочи придавали уют. Во всяком случае, мне самой они доставляли удовольствие.

— Но сегодня мое дежурство. — Дебби неловко наклонилась за своей сумкой. Она не хотела ни жалости, ни снисхождения. Я ее понимала, я сама была такой. Опустив глаза, я заметила ее отекавшие лодыжки. Такими они бывают в третьем триместре беременности, если весь день проводить на ногах.

— Будешь мне должна, если тебе так легче. — Я тоже устала, но когда тебе далеко за сорок, эта усталость иного рода, чем у беременных. Она никогда тебя не оставляет, к ней привыкаешь и идешь по жизни дальше.

Дебби выпрямилась и посмотрела на меня равнодушным взглядом, в котором читались и облегчение, и чувство вины, и возмущение, и гордость. Все это мне было знакомо по собственному опыту, и я захотела ее обнять. Ей было всего двадцать шесть — на два года больше, чем Лиззи. Я не могла припомнить, когда в последний раз обнимала свою дочь, та уклонялась от объятий. Недавно она заявила мне, что нуждается в личном пространстве, что так привыкла, что я была слишком занята, пока она росла, а теперь уже поздно наверстывать упущенное. Говорила сквозь смех, но это не было шуткой.

Кэрол, деловито подавшись вперед, принялась вводить меня в курс дела:

— Его имя — Люк Лефевр. — Она аккуратно поджимала губы после каждой фразы, как будто за-

печатывала конверт; это придавало ей осуждающий вид. — Наполовину француз, я полагаю. Живет в Лондоне; собирался домой, но вышло так, что он...

— Спасибо, Кэрол. Я у тебя переспрошу, если потребуется.

Я предпочитала выслушивать самих пациентов. Многое можно понять по молчанию или по позе, по стиснутым рукам или быстрому косому взгляду.

Кэрол протянула мне временную карточку, которую пациент заполнил, пока ожидал, и принялась перебирать и по одной бросать на стойку те, что вернула я. Миленькая белая блузка с вышитыми вокруг воротничка ягнятами смотрелась на ней нелепо, особенно в сочетании с пылающими щеками. Я опять обидела ее. Ни для кого не было секретом, что она предпочитала дежурить с Роджером. Я тоже его любила, все любили. Высокий, добрый, рассеянный Роджер, седовласый и с мягким голосом. Он бы застыл на месте как вкопанный и внимательно выслушал все, что она хотела сказать. Он бы кивал и улыбался с явной благодарностью. А я никогда не отличалась терпением — не только с Кэрол, но и с друзьями, и с родными. Нетерпеливой я была всегда, но Нейтан считал, что в последнее время особенно. «Трудный возраст», — констатировал он, а я промолчала.

Мне следовало выслушать Кэрол, как сделал бы на моем месте Роджер. Оказалось, что она была права, и мне требовалось гораздо больше информации, хотя теперь уже слишком поздно выяснять, что мог сказать ей Люк Лефевр до того как я впервые его увидела. С этим я запоздала на многие месяцы.

Я была бы добрее к Кэрол, если бы только знала; намного, намного добрее. Я совершила одну из тех ошибок, о которых мне предстояло жалеть всю жизнь. Я должна была быть внимательней. Позже выяснилось, что она пела в хоре, по пятничным вечерам ходила на балльные танцы, посвящала свободное время работе в благотворительном магазине. Мне так мало было о ней известно...

Проходя по коридору, я отправила Нейтану сообщение, в котором написала, что задержусь, и попросила поужинать без меня. В огромном здании нашего медицинского центра были довольно длинные коридоры — в нем располагалась еще она клиника, а также физиотерапевты и дипломированные медсестры*. Кэрол забыла включить свет. Пока я шла от регистратуры к своему кабинету, мне казалось, что я все глубже и глубже погружаюсь во мрак. Помню, как я спотыкалась и, продвигаясь вперед, шарила рукой по стене, чтобы не упасть.

Глава 2

Февраль 2017 года

— Ох... Простите. С вами все хорошо?.. То есть я вижу, что нет, но...

Обычно я не запинаясь и не извинялась, разговаривая с пациентами, но этот плакал, и мне показалось, что я вторглась слишком грубо. Женщины

---

* Дипломированная медсестра — высококвалифицированный специалист — медик среднего звена, зарегистрированный в Совете медсестер и акушеров.

рыдают, не стесняясь, а мужчины часто стараются скрыть свое горе. Люк оказался другим; его щетина намокла от слез, и даже воротник был влажным.

Он начал было приподниматься, когда я вошла, но это нарушило бы неписаное правило. Пациенты не встают навстречу врачам. Я положила ладонь на его плечо, и это было еще одно нарушение. Врачи не прикасаются к пациентам, если это не является необходимой частью обследования, но и тогда следует спросить разрешения или, такие уж времена, предложить осмотр в присутствии доверенного лица. «Он расстроен», — придумала я себе оправдание, но истина заключалась в том, что меня к нему тянуло, хоть это было странно. Слишком красивые мужчины обычно меня не интересовали; мне они казались высокомерными и самовлюбленными. У моего мужа была обыкновенная внешность и спокойное, сдержанное выражение лица. Улыбка дружелюбная, но не более необходимого. Лицо Люка Лефевра, напротив, было красивым, выразительным и эмоциональным. Открытым. Он производил впечатление дикаря — не в смысле недостаточной ухоженности, а какой-то своей уязвимостью, как у диких животных. Как будто у него отсутствовала некая заслонка и душа просвечивала сквозь глаза.

Я подала ему цветастую коробку с салфетками, которую Кэрол всегда располагала на моем столе. Он вытащил оттуда целую горсть, вытер лицо и высморкался. Держа ноги под столом, я незаметно скинула туфли. Мои ноги были опухшими, как у Дебби. С недавнего времени это стало обычным явлением, к которому я быстро привыкала. Впрочем, как и к седым

прядам в волосах, болям в суставах больших пальцев рук и необходимости надевать очки для чтения.

Я не смотрела пациенту в лицо, чтобы не смущать, однако приметы были повсюду: крепко сплетенные пальцы, загорелые кисти, аккуратно подстриженные ногти, часы «Ролекс», дорогие мокасины на ногах. Какова бы ни была его проблема, она явно заключалась не в деньгах. Я ждала, и это было меньшее, что можно было сделать для того, кто страдает.

— Все в порядке, — завершила я его. — Торопиться нам некуда.

В клинике стояла тишина, все телефоны к этому времени были уже переключены на дежурный центр. Кэрол не стала бы стучать в дверь, чтобы попросить меня подписать рецепты, а больше я никого не ждала. Я могла бы слушать его сколько угодно. Я дала бы ему время, которого не нашла для Лиама.

Лиам Чемберс явился без записи две недели тому назад, в самые горячие утренние часы. Семнадцатилетний подросток с ничего не выражающим взглядом и выпирающими из-под кожи, как шарики, костями запястий. Он пробормотал, что у него проблемы, но на мои вопросы отвечать не стал, и у нас закончилось время. Я попросила его прийти следующим утром, но в тот же вечер парня нашли в его комнате, свисающим с потолочной балки на поясе от халата. Его мать непустила меня, когда я приходила, но согласилась встретиться через две недели — восьмого февраля, которое, как показывал календарь, наступало уже завтра.

Календарь, подарок от фармацевтической компании, висел на пробковой доске над моим столом

между расписанием дежурств и протоколом лечения почечной недостаточности. «Подсолнухи» Ван Гога на февральском листке. Я никогда как следует не рассматривала эту картину, одно из тех знакомых изображений, мимо которых обычно проскальзывает взгляд, но сегодня обратила внимание, что цветы уже подвявшие. Прежде я этого не замечала. Когда ты вечно занята, то света белого вокруг не видишь, но стоит только взглянуть внимательней — начинаешь распознавать очевидные вещи, которые ранее упустила. Из некоторых цветков уже выпали семечки, но сохранившиеся лепестки пылали, как язычки пламени: шафран, охра и жженная сиена — краски, характерные для юга Франции. Внизу было нацарапано: «Арль»*. Я представила, как колоритно звучало бы это название, если произносить его на французский манер — перекатывая букву «р» во рту, как нечто столь горячее и вкусное, что так и хочется проглотить.

— Там, на повороте дороги к Стоунхенджу, росло большое дерево; оно как будто ждало меня.

Я слегка вздрогнула от его слов, но, кажется, удачно это скрыла. Он говорил с французским акцентом, словно решил его продемонстрировать, заглянув в мои мысли.

— Мне захотелось въехать прямо в него, но следовало сначала позвонить в полицию, чтобы они успели убрать мезиво, прежде чем кто-то на него наткнется.

Я кивнула, скрывая свое потрясение. Он говорил правду, и столь сухое изложение фактов лишь усу-

---

* Город в регионе Прованс, Франция.

губляло ситуацию. Я промолчала. Если начать отвечать слишком быстро, пациент может «закрыться». Вполне вероятно, что в случае с Лиамом так и произошло.

Молчание тянулось, пока Люк снова его не нарушил:

— Все вокруг серое. И тишина. Я будто брожу по пепелищу. И в воздухе тоже пепел, как после всемирного пожара.

Пепел. Мне всегда нравилось, как звучит это слово. Оно ощущалось на языке как нечто очень мягкое, и это было странно — настоящий пепел скрипел бы на зубах и был невыносимо горьким на вкус.

— Память стала ни к черту. Не хочу ничего делать, даже то, что мне обычно нравится. Меня ни хрена не волнует. — Голос Люка звучал возмущенно-обиженно, как будто посреди ночи в его дверь ломился незнакомец. — И мне больше не хочется секса.

Не сдержавшись, я окинула взглядом его фигуру. Несмотря на развитую мускулатуру, я почему-то не могла представить его в спортзале. Кожа была обветренной. Он будто явился из какой-то глуши, где нет никого, кроме птиц в небе. Карточка в моей руке утверждала, что ему сорок; взъерошенные каштановые волосы, доходившие до воротника, уже начинали сидеть. У него были крупные ладони и широкие плечи, длинный нос, темно-карие глаза и небольшой шрам справа около губ. Такой тип лица привлек бы мое внимание в толпе. Врачам не полагается думать о пациентах в подобном ключе, но это происходит непроизвольно, из-за привычки оценивать все так, как будто измеряешь рост или вес. Удивительно, как много можно понять с первого взгляда, выводы делаешь

раньше, чем сама их осознаешь. Учитывая возраст, пол и имя, с невероятной точностью можно предугадать, в чем будет заключаться проблема, еще до того, как пациент произнесет первое слово.

— А раньше вы чувствовали себя подобным образом?

— Не до такой степени плохо.

— Но у вас уже бывала депрессия?

— Да.

— Достаточно сильная, чтобы потребовалось лечение?

Люк кивнул, но его глаза затуманились, будто он спрятал поглубже какую-то тайну. Никто не выкладывает всю подноготную на первом приеме. Роджер считал, что надо представить себя на месте пациента и ждать, сколько потребуется. Это замечательное правило, но если у тебя море времени.

— Понятно. Мне важно это знать.

Он немного расслабил руки на коленях. Мелькнуло массивное золотое обручальное кольцо и золотые запонки.

— У меня есть все, чего можно желать: красавица-жена, чудесный сын. Вернее, пасынок. И никаких денежных проблем. Пока, во всяком случае. Дела идут прекрасно. — Он говорил сердито, и это было хорошо: с гневом можно работать. Опасность кроется в апатии.

— А чем вы занимаетесь?

— Архитектурой. — Тут Люк опустил взгляд, и его голос стал тише — словно он признавался в чем-то личном: — Хотя я больше предпочитаю живопись. Я рисую, когда могу.

Представители некоторых профессий чаще совершают суицид; в группе риска анестезиологи и фермеры. Ветеринары тоже. Казалось маловероятным, что средство для самоубийства может оказаться под рукой у архитектора или художника.

— А как у вас в целом со здоровьем?

— Хорошо.

— У кого-то еще из ваших родственников бывали депрессии?

— У отца. Постоянно в это время года. — Люк слабо улыбнулся. — Генетика и погода — убойное сочетание.

Я отметила, что у него хорошие зубы. Наряду с подстриженными ногтями, это был еще один обнадеживающий признак. Значит, депрессия началась не так давно.

— Вы принимали какие-либо медикаменты?

— Таблетки. Не могу вспомнить название, память ни к черту. Все равно они у меня уже закончились.

Он чувствовал, что депрессия на подходе; она накатывала, предупреждая о себе ревом издалека, как приливная волна, от которой он надеялся убежать, но был слишком занят, чтобы возобновить прием лекарств. У него были заказы в Лондоне, а сейчас он восстанавливал дом в Уилтшире* и усадьбу, которую унаследовал во Франции.

— Это недалеко от города Арль, дом моего прадеда теперь принадлежит мне.

— Арль? — Я вскинула взгляд на календарь, и Люк тоже посмотрел в его сторону.

---

* Графство, на территории которого находится город Солсбери.

— Рядом с моим домом огромные поля подсолнухов. — Он кивнул на картинку. — Край Ван Гога. Летом там такие же яркие краски.

— Наверное, он был очарован этими цветами. Они написаны с большой страстью, хоть уже начали увядать...

Зачем я это сказала? Я никогда не делилась своими чувствами на приеме. Возможно, это случилось из-за его теплого голоса и взгляда, которым он смотрел на меня. Мне показалось, что его открытость требует того же самого в ответ. Моя бдительность ослабла, но он, похоже, ничего не заметил.

— Он выбрал их именно из-за зрелости. Такие самые красивые. — Люк перевел взгляд на меня, его глаза были глубокими, как омуты. — Их оттенки тоньше, лепестки нежнее, семена спелы.

Его слова звучали чувственно, и мне почему-то показалось, что они относятся лично ко мне. Безумие, конечно, он ведь описывал цветы, а не женщин. Я взяла себя в руки и взглянула на часы. Прошло уже сорок пять минут. Кэрол, наверное, уже была в ярости.

— Можете рассказать, что вызвало данный приступ?

— Мне не хватало времени на то, что помогает оставаться в здравом уме. Например, на рисование, — медленно начал он. — Работа поглотила меня с головой. Я чувствовал себя подавленно в течение нескольких месяцев, но не обращал на это внимания, уж слишком был занят. Я приехал в Солсбери, чтобы встретиться со строителями, и тут мне стало хуже, чем когда-либо. Я решил вернуться домой, но заблудился. Опомился на трассе, ведущей в Стоунхендж,

и увидел тот дуб. Я остановился, чтобы позвонить в полицию, и вдруг стайка птиц взлетела с поля неподалеку. Они сверкали в лучах заходящего солнца. Бог весть, как они правильно называются. Наверное, вы их видели. Такие маленькие коричневые птички, которые водятся в сельской местности и кормятся на сжатых полях.

Я представила голые деревья на фоне заката так ясно, как если бы была там вместе с ним, слышала трепет крыльев тех птиц и вдыхала запах влажной земли и прелой соломы. Я придвинулась ближе, чтобы не упустить ни слова.

— Я вышел из машины и смотрел на птиц, пока те не скрылись в деревьях. Было слышно, что они устраиваются на ночлег. Они меня спасли. Не знаю, сколько времени прошло, но я понял, что мне необходимо с кем-то поговорить, снова сел за руль и вернулся.

Он быстро провел ладонью по лицу, как будто что-то смахнув.

— Я увидел вывеску медицинского центра, припарковался рядом, вошел и зарегистрировался. Меня провели в ваш кабинет, и я сразу же почувствовал себя в безопасности.

— Я рада, что судьба привела вас ко мне.

Эта фраза прозвучала чересчур интимно, будто я всю жизнь только его и ждала. Я откинулась на спинку стула. Это был просто пациент, и требовался план лечения. В карточке не было сведений о том, что ранее у него наблюдались суицидальные мысли или попытки самоубийства, но он сам заполнял анкету и мог не упомянуть о таких важных вещах.

— Если пациенты склонны к суициду, я обычно предлагаю немедленно проконсультироваться у психиатра.

Сейчас я делала то, что была обязана. И настояла бы на этом в случае с Лиамом, если бы только знала.

— Тот порыв уже прошел, правда. Я больше не хочу себя убить.

— И тем не менее я должна убедиться, что вы в безопасности.

— Я пришел сюда, чтобы выговориться.

Теперь я видела в его глазах оттенки зеленого, а не только карего цвета — от зрачка к краю темно-коричневой радужки расходились темно-зеленые линии.

— Вы меня выслушали, и это все изменило. — Он помолчал и продолжил: — Кроме того, мне пора возвращаться домой. Я не совершу самоубийства. Я вам обещаю.

Он превращал происшедшее с ним в личное, в некий уговор между нами.

— В таком случае завтра вас должен осмотреть ваш лечащий врач. Я напишу ему по электронной почте. А пока, возможно, стоит возобновить прием лекарства. — Я взглянула в карточку, там не было указано название препарата. — Что вы принимали?

— Бог его знает. — Он наморщил лоб. — Когда я в таком состоянии, я все забываю.

— В подобных случаях обычно назначают ингибиторы обратного захвата серотонина. Циталопрам, например...

— Циталопрам! — Он просветлел лицом. — Звучит знакомо.

— Прежде чем эти таблетки начнут помогать, вам может казаться, что они ухудшают состояние; также может наблюдаться ряд побочных эффектов...

Я оттабанила инструкцию, уделив особое внимание противопоказаниям. Делать это необходимо, больные легко забывают о симптомах, говорящих о том, что нужно прекратить прием препарата, если мысли о самоубийстве одолевают сильнее или, напротив, приближается маниакальная стадия. Я упомянула, как важны своевременные консультации у специалистов, физические упражнения и здоровый сон, еще раз посоветовала посетить своего врача и распечатала назначения.

— Если почувствуете, что вам необходимо с кем-то поговорить, вот мой номер. — Я написала его и отдала вместе с рецептом.

Если бы это увидел Роджер, он покачал бы головой и напомнил, что нельзя разглашать свои личные данные, что я нарушаю границы дозволенного. Я бы ответила, что дала свой номер на всякий пожарный. Но правда была в том, что после истории с Лиамом я хотела исключить любой риск.

Люк сунул листки бумаги в карман, глядя мне в глаза и словно гадая, почему так поздно вечером в четверг я до сих пор здесь, а не дома с мужем, который, вероятно, уже меня заждался. Когда он поднялся, я тоже встала. Он оказался выше, чем я предполагала, но тут же сообразила, что забыла надеть туфли.

— Уверен, люди часто вас благодарят, но я делаю это действительно от всего сердца; вы были... — Он помолчал, будто подыскивая подходящее слово,

и посмотрел на меня с высоты своего роста. — ...очаровательны.

Его слова прозвучали скорее непосредственно, чем неуместно, хотя я не сделала ничего особенного — просто дала ему выговориться. Он пребывал в том отвязном состоянии, в котором человек готов высказать все, что приходит на ум, и как раз в тот момент я, Рэйчел Гудчайлд, женщина-врач, имевшая взрослую дочь и двадцать пять лет брака за плечами, показалась ему очаровательной. Да я и сама сейчас ощущала себя такой.

Люк сжал мою ладонь в своих ладонях, и по всему моему телу разлилось тепло. Потом он улыбнулся, его глаза ярко засияли, отчего он сразу стал выглядеть гораздо моложе. Это превращение казалось волшебным.

— Спасибо вам. — Он выдержал паузу. — За все.

Когда он ушел, я посмотрела на часы. Прошел час. Целый час. Обычно я старалась не превышать время приема, хотя немало пациентов не отказались бы поговорить с врачом подольше. Наверное, я поступила несправедливо, уделив так много времени лишь одному из них, но этот случай был единственным и вполне удачным исключением, вот и все. Я пообещала себе, что больше такого не повторится.

Нейтан, наверное, уже поужинал и теперь спал на диване или составлял планы уроков на завтра. В кабинете было зябко, отопление в здании отключалось на ночь, но до сих пор я не замечала холода. Я убрала на столе, черкнула себе напоминалку отправить с утра электронное письмо врачу Люка Лефевра и пошла извиняться перед Кэрол, которая, раскладывая карточки,

ходила туда-сюда между полками, сердито стуча каблуками. Список дел в ее блокноте был перечеркнут глубокой красной чертой. Она кивнула, не глядя на меня. Я была рада, что извинилась. Не думаю, что в этом был какой-то смысл, но так мне стало легче.

Стоявший снаружи «Мерседес» исчез, но та небольшая машина, возможно, еще оставалась в тени деревьев. Оглядываясь назад, я думаю, что так оно и было.

Когда я проезжала по территории собора, вокруг не слышалось ни звука. Я прожила здесь всю жизнь, но собор до сих пор поражал меня высотой своих стен, формой окон и сводчатых дверей. Казалось, его взметнувшийся ввысь шпиль удерживает от падения какое-то волшебство. Тень шпиля, отбрасываемая на небо прожекторами, темной полоской рассекала бледные облака. Вдоль моего пути одно за другим выступали из сумрака знакомые очертания деревянной будки присматривающего за Подворьем констебля, старого дома Теда Хита с угловатыми черными перилами и фасадом в георгианском стиле, почтового ящика на углу, статуи Мадонны на лужайке. Ее тонкая фигурка работы Элизабет Фринк брела куда-то, будто стремясь скрыться от своего горя. Все было как всегда, и в этом упорядоченном мире мы с Нейтаном занимали определенное место. Мы были учителем и врачом с безупречной репутацией, которую нужно беречь.

Проезжая мимо Норт-Кэнонри*, я заметила, что здание стало выглядеть по-другому — строительные

---

* Северный Дом каноника; здесь и далее упоминаются реальные исторические здания, расположенные на территории Солсберийского собора.

леса, окружавшие его на протяжении нескольких месяцев, исчезли. Я притормозила неподалеку. В детстве я проводила в этом доме долгие часы. Здесь жила моя лучшая подруга Кэти, и мы вместе все лето играли в саду. В семье Кэти было пятеро детей. Мне нравились ее братья и сестры. У меня не было ни тех ни других, и я стремилась сюда за приключениями, свободой и хаосом. С тех пор здание много раз переходило из рук в руки, но в последнее время пустовало. Теперь каменные стены стали выглядеть чище, раскрошившиеся оконные проемы были отремонтированы. Погруженный во тьму дом, вероятно, готовился к встрече с новыми обитателями. Перед моим мысленным взором предстали призрачные образы бывших хозяев и мой собственный среди них. Мы стояли внутри и глядели на мир из мрака, будто в ожидании шанса начать жизнь заново, пока все пути еще открыты, пока приключения и свобода зовут.

Мимо очень близко проехала машина, и я сразу пришла в себя. Все ключевые события моей жизни уже случились: первая работа, первый дом, первая любовь, первый ребенок. Поздно что-то менять в сорок девять лет. Я провела день с людьми, которые были больны или боролись с утратой или нуждой, выпавшими им в жестокой лотерее, правила которой действуют даже в этом уважаемом городке. У меня были муж, дочь, здоровье. Замечательная работа и достаток во всем. Как же вышло, что я, пусть даже и на миг, пожелала начать все с чистого листа?

Я запустила двигатель, и машина тихо заскользила по дороге мимо спортивной площадки Кафедральной школы справа и темнеющих слева, вдоль

школьной стены, густых деревьев и кустов. В детстве я всякий раз старалась пройти мимо них побыстрее. От этих зарослей веяло чем-то призрачным, словно совершенное в них убийство оставило в воздухе некий след — невидимое пятно, которое не исчезло с ходом времени.

Вывернув через ворота тринадцатого века на нашу улицу — Де Вокс Плейс, я остановилась возле ряда террасных домов, вышла из машины и вытащила сумку из багажника. Окна дома, примыкавшего к нашему с левой стороны, были темными; горела только крошечная лампочка наверху, которую Эбби, уборщица Виктории, оставляла включенной, когда уходила. Я подавила легкое разочарование, хотя давно должна была привыкнуть, что Виктория часто отсутствует. Наша калитка, как и у всех соседей, открывалась в мощный дворик; наш был выложен кирпичом и пуст, если не считать парочки велосипедов, мусорных баков на колесиках и магнолии в горшке. Двор Виктории летом был полон клематисов, взбирающихся по выбеленным стенам, горшков с лимонными деревьями и темно-красной геранью и корыт с лавандой. Во дворе Деншемов, соседей справа, размещались трехколесные велосипеды их внуков и мотороллер Колина.

Когда я зашла на кухню, Пеппер, черно-серый спаниель Лиззи, поднял голову. Он несколько раз стукнул хвостом по полу, но был слишком сонным, чтобы подойти поздороваться. Мой ужин стоял в холодильнике, накрытый пищевой пленкой, — бледная куриная грудка и горка риса. Я не притронулась к нему, а вместо этого взяла со стойки бутылку красного

вина и налила себе большой бокал. Нейтан убрал за собой все следы готовки. Техника, которую он подобрал для кухни, вся была дымчатого цвета, краска на стенах — оттенка «оружейный металлик». А может, и наоборот, техника была «металлик», а стены дымчатые. Обведя взглядом всю эту серость вокруг, я почувствовала во рту привкус пепла.

Глава 3

Февраль 2017 года

— *М*огу я вам чем-то помочь?

Я никогда не любила задавать этот вопрос, хоть и использовала его при недостатке времени. Он в ходу у продавцов или официантов, но те обычно делают то, о чем говорят. Из уст врача он звучит фальшиво и даже непорядочно; нельзя предлагать помощь, если ты не в силах решить проблему. То, что скрывается в глубине, — ужасное неравенство во всем. Уровень здоровья определяется уже при рождении; он зависит от происхождения пациента, проистекает из жизни его родителей, их доходов и всего, что из этого следует. Это несправедливо и сложно, мы почти ничего не можем с этим поделать. Мы работаем на дальних подступах, собирая осколки.

Утро началось хорошо. Жалобы пациентов не отличались особой сложностью — боль в горле, конъюнктивит, ломота в колене, нерегулярные месячные. Мне начинало казаться, что я знаю ответы на все вопросы. Пока, согнувшись и шаркая ногами, не вошел Брайан.

Это был всего лишь второй его визит на неделе, иногда он заходил и чаще. Круглолицый, в очках с толстенными стеклами, с сальной челкой, он казался пожилым школьником, если не принимать во внимание его издевательской легкой улыбки.

Он говорил почти шепотом, так что мне пришлось наклониться поближе. Веки он держал опущенными, но случайный взгляд, скользнувший по моему лицу, показался мне странным. Каким-то вороватым. Было в нем что-то такое, от чего я вздрогнула.

— Меня беспокоит спина, — сообщил он своим тихим шепчущим голосом. — Это началось в прошлом году, перед смертью мамы. Мне приходилось ее поднимать, чтобы поменять простыни, и все такое прочее. Помочь было некому. А теперь из-за боли я не могу заснуть. Кажется, она все сильнее.

При осмотре я не выявила никаких проблем с его спиной, но Брайан не смутился. Он придвинул свой стул ближе и облизнул губы; быстрое движение его языка напомнило мне ящерицу. Я поборола желание отъехать на кресле назад.

— Я все еще скучаю по ней. Бывает, я целыми днями никого не вижу.

Мне было его жаль, несмотря на то что он морочил мне голову. Он потерял работу, когда взял бессрочный отпуск, чтобы ухаживать за матерью, был одинок и до сих пор горевал.

— Вы стараетесь больше гулять?

— Вчера я кормил уток в парке, но там было несколько мамаш, которые глазели на меня. Я слышал, что они говорили обо мне своим детям: «Там странный тип в плаще, держитесь от него подальше».

Остается разве что в паб ходить. — Он развел руками в жесте безысходности; его пальцы были длинными и бледными, под ногтями скопилась грязь.

— А что насчет ваших соседей?

— Они даже не здороваются, хотя я каждый день приношу им газеты. Как будто меня не существует.

Брайан продолжал говорить, и я не перебивала, позволив ему выплеснуть все свои обиды. Когда мы закончили, он прошаркал из кабинета и слегка помахал мне рукой у двери, будто мы были старыми друзьями. Я раздвинула планки жалюзи и стала смотреть, как он шел через автостоянку, сжимая в руке выданные мною направление в тренажерный зал и карточку с телефонным номером психолога-консультанта, специалиста по потере близких. Теперь его походка была быстрой. Наверняка он солгал насчет болей в спине. Я подавила раздражение; он был одиноким человеком, а от одиночества нет простого лекарства.

Кэрол посмотрела на меня, плотно сжав губы. Я, как обычно, задержалась и заставила ее ждать. Роджер, наклонив вперед долговязое туловище, торопился куда-то с пачкой бумаг под мышкой; он подмигнул, проходя мимо, и я почувствовала себя лучше.

— Я собираюсь на встречу с Лорой Чемберс, Кэрол. Можно взять карточку Лиама?

Кэрол молча подала мне карту. Я боялась этой встречи. С матерью Лиама я познакомилась год назад. Маленькая женщина с седыми волосами, стянутыми косынкой, худая, слегка застенчивая, она жаловалась на ломоту в пояснице. Рентген показал, что все в норме, и я порекомендовала ей физические

упражнения, пищевые добавки и анальгетики. После этого мы не виделись.

Было холодно, как в любой из тех пасмурных дней, когда тротуары пропитаны сыростью, а небо над головой принимает мутно-молочный оттенок. Лора Чемберс жила на другом конце города, но я пошла пешком. Мне нужно было подумать. Я чувствовала себя ужасно виноватой в том, что случилось. Если бы она обвинила меня в отказе помочь ее сыну, я могла бы юридически обосновать свои действия, но дело было не в этом. Я сама не могла перестать себя винить. Как же моя хваленая проницательность? Интуиция? Если бы я сообразила, что Лиам склонен к суициду, то направила бы его к психиатру. Отвезла бы сама. Я могла бы позвонить ему домой или принять еще раз. Или связаться с его матерью. Нарушение врачебной тайны было бы оправдано тем, что стоял вопрос о жизни и смерти. Но я не догадалась, что дело зашло так далеко, у меня даже мысли такой не возникло. Я с горечью думала об этом снова и снова, пока шла по переулкам: мимо женщин, ждущих автобуса на остановках; мимо детей на самокатах; мимо дома, где рыже-белый терьер лаял из окна на всех, кто проходил мимо.

Дом Лоры Чемберс выглядел так же, как и все остальные на ее улице: фронтон с арочным окном, мощеное место для машины, пустые молочные бутылки на верхней ступеньке. Ничего, что указывало бы на трагедию двухнедельной давности. Лиам, наверное, забрался на стул, его верхняя губа покрылась капельками пота, тонкие руки дрожали, пока он завязывал шнур на балке и туго натягивал его, чтобы

убедиться в прочности. Понимал ли он, как, на мой взгляд, мало кто понимает, что это непоправимо? Что больше не будет ни друзей, ни любимых, ни музыки, ни книг? Ни утренней росы, ни солнца, ни цветов. Он никогда не поступит в университет, не найдет работу, не заведет ребенка. Все его будущее окажется уничтожено менее чем за минуту.

Рифленое стекло над дверью было темным. Я позвонила в колокольчик, подождала и позвонила еще раз. Я чувствовала, как вспотели мои ладони и колотилось сердце. Наконец послышался стук отодвигаемого засова, дверь приоткрылась на цепочке, в проеме показался кусочек лица, опухший глаз и край тонких губ.

— Да?

— Это доктор Гудчайлд, миссис Чемберс. Мы договаривались встретиться сегодня.

Она сняла с двери цепочку и медленно побрела вдаль от меня по темному коридору. Ее волосы были спутанными на затылке, как будто ей не хватало сил дотянуться туда, чтобы их расчесать. В кухне на столе стояла бутылка ирландского виски, а рядом — наполовину опустошенный стакан. Миссис Чемберс указала мне на стул и села сама.

— Я соболезную больше, чем могу выразить словами...

— Вам следует кое-что знать. — Ее губы дрожали, но она держалась прямо, как будто набралась решимости. — Лиам приходил к вам, но, возможно, не сказал почему. Я нашла это в кармане его джинсов.

Ее голос стал хриплым. Она развернула на столе листок бумаги. Это был положительный результат анализа на ВИЧ из лондонской клиники.

— Вы правы, он не упоминал об этом. — Мне стало еще хуже. Я могла успокоить его, если бы знала, выписала бы направление и контролировала лечение, время от времени проверяя, как у него дела. Он жил бы почти нормальной жизнью, но я не могла сказать ей об этом. Не сейчас.

— Он не хотел, чтобы кто-то знал. — Она снова свернула листок. — Он чувствовал себя виноватым из-за того, что не соблюдал осторожность. — Миссис Чемберс схватила стакан с виски и залпом выпила, запрокинув голову; я увидела натянувшиеся сухожилия на ее шее. Она так грохнула пустым стаканом о стол, что чуть не разбила. — Сын никогда не говорил мне, что он гей, во всяком случае, прямо, но я знала. Его долгие годы травили в школе, и об этом он тоже ничего не говорил. Я старалась его уберечь, а он оберегал меня в ответ. В этом и была проблема.

— В чем?

— В избытке взаимной защиты и недостатке откровенности. Я не имела ничего против его ориентации, но меня беспокоила его болезнь. — Ее выцветшие глаза наполнились слезами. — Я не могла найти правильных слов и попросила его встретиться с вами, хоть и предполагала, что он ничего не скажет. Это я виновата.

Я была готова к упрекам, но она корила себя. Я накрыла ее холодную ладонь своей.

— Это не ваша вина. По крайней мере, я виновата не меньше. Я так и не смогла вытянуть из него ни слова, в тот день у нас на это было только семь минут.

Она подняла взгляд и кивнула, что-то еле заметно дрогнуло в ее лице.

— Вы тут совершенно ни при чем. Он пошел к вам только ради того, чтобы я была довольна. Я думаю, он уже давно все для себя решил.

Мы помолчали. Радио нарушило тишину — передавали двухчасовые новости. Миссис Чемберс медленно оглядела кухню, будто удивляясь, что новости еще есть, что мир все еще существует.

— Я могу вам как-то помочь? Хотя чем-то? Быть может, не сейчас, но со временем. Возможно, вам захочется с кем-то поговорить.

— Нет, спасибо.

Стул скрипнул, когда она встала, чтобы открыть мне дверь. Обычно я могла предложить хоть какую-то помощь, но в тот день была в растерянности — мы обе знали, что я не в силах ничего сделать. За моей спиной щелкнул замок, и я услышала шаги матери Лиама, медленно удалявшиеся по коридору.

День уже клонился к вечеру, время приема закончилось. Возвращаться в клинику было необязательно, и я, охваченная печалью и сожалением, отправилась сразу домой. У меня начинала болеть голова, линии улиц теряли свою четкость, машины расплывались перед глазами. У входа на территорию Подворья, где тротуар сужался, я оказалась среди толпы подростков, высыпавших на проезжую часть. Любой из них мог попасть под машину, но они были молоды и думали, что бессмертны. Они не понимали, насколько хрупко человеческое тело. Впрочем, и я ведь не осознала хрупкости Лиама.

Сначала я не заметила, что позади меня машина. Она двигалась медленно и так близко, что бампер почти касался моего пальто. Я вернулась на троту-

ар, и она проехала мимо. Пять минут спустя, когда я шла по дорожке вдоль деревьев — последнему отрезку пути перед воротами на другом конце Подворья, — я снова услышала позади тихое урчание двигателя. На территории собора автомобилям положено снижать скорость, но этот небольшой серый седан с тонированными окнами ехал медленнее, чем большинство из них. Разглядеть водителя было невозможно. Неужели, обогнав меня, он остановился и ждал, пока я снова приближусь? Машина опять проехала мимо, а затем через ворота впереди. Я не сообразила взглянуть на номерной знак. Забежала в дом и захлопнула за собой дверь, скорее раздраженная, чем испуганная.

Настоящий ужас был еще впереди.

Глава 4

Март 2017 года

— Это ты во всем виновата! Глаза моей дочери, серо-голубые, но более темные, чем у Нейтана, смотрели на меня жестко. Утром ушел ее парень, психотерапевт Майк. Собрал свои вещи и покинул ее квартиру, в которой прожил почти полгода. Их отношения закончились, и Лиззи была огорчена, как и любая бы на ее месте.

— Я понимаю, ты чувствуешь себя ужасно, дорогая, но я-то тут при чем?

— Все пошло наперекосяк после того, как ты поговорила с ним на той вечеринке.

Я поставила на стол блюдо с остатками говядины и выдвинула стул. К такому я была не готова. С утра я долго работала с бумагами, устала и позволила себе выпить в середине дня, потому что было воскресенье. Пустая бутылка из-под вина стояла посреди стола, наши с Нейтаном бокалы тоже были пусты. Нейтан посчитал, что вино поможет нам расслабиться, но гнев Лиззи рассек этот день надвое, как хорошо отточенный меч.

— Ты его по-настоящему расстроила! — сердито продолжила дочь.

— Напомни, что я такого сказала. У меня, честно говоря, вылетело из головы.

Три недели назад Майк разливал напитки на вечеринке по поводу ее дня рождения. Я пришла прямо из клиники и быстро выпила два бокала подряд на пустой желудок. Майк начал что-то торопливо говорить, но Нейтан прервал его тостом в честь Лиззи, и теперь я помнила лишь то, какой красивой она тогда выглядела.

— Ты сказала, что в вашей клинике психотерапия отнюдь не основной метод лечения.

Я потихоньку начинала вспоминать.

— Что ж, это правда, но разве это повод прекратить отношения? Ведь это моя бестактность, а не твоя.

— Ты купила мне квартиру, и он решил, что я с тобой согласна.

— Чепуха какая-то!

— Именно это ты сказала о психотерапии.

— Ох, Лиззи, такого я не говорила! — Ее лицо покраснелось; все зашло слишком далеко, и нужно

было действовать с осторожностью. — Я не хотела его обидеть! Мы с удовольствием взяли бы на работу психотерапевта, но у нас ограниченный бюджет. Он меня даже не выслушал!

— То же самое он сказал о тебе — ты не слушала его вообще.

— Я знаю, сейчас тебе тяжело, но ты еще встретишь замечательного человека, который...

— Даже не начинай! Я буду сама принимать все решения в жизни, даже если они покажутся тебе ошибочными. — Лиззи взглянула на часы и встала. — Мне пора идти, завтра рано вставать, куча дел на работе. — Она слегка усмехнулась. — Хотя с твоей ее не сравнить, конечно.

— Я считаю, что у тебя отличная работа, и ты это знаешь.

Не удостоив меня ответом, дочь надела пальто и вышла из комнаты. Через несколько секунд хлопнула входная дверь. Мы даже не попрощались.

Это началось давно. Лиззи думала, что я не одобряла ее выбор, потому что он отличался от моего. Когда она была маленькой, я почти не вылезала из клиники. В глазах моей дочери это до сих пор означало, что я ставлю профессию врача превыше любой другой, включая и ту, что получила она. Я понимала, почему сформировалось это убеждение. Из-за работы я пропускала все важные вещи — вечерние купания, дни рождения, родительские собрания. И теперь, что бы я ни говорила, Лиззи все равно ощущала себя на втором месте. Ее детская травма, возможно, была старой, но глубокой, и теперь из-за моего разговора с Майком все стало еще хуже.

С загноившихся ран снимают бинты, промывают и накладывают лекарство. Это и следовало сделать, но я не знала как. Иногда я лежала без сна, переполненная сожалением, и хотела повторить все заново, правильно. Я вела воображаемые разговоры, в которых объясняла Лиззи, как занята, как устаю каждый день, как мне жаль, что я заснула, читая сказку на ночь. Просила у нее прощения за то, что в отпуск брала домой бумаги и первые дни проводила, заканчивая работу, что никогда не торчала под окнами класса, подбросив ее к воротам школы, и не пекла для нее пироги. Я чувствовала вину за то облегчение, которое испытывала, отправляясь в клинику и оставляя эмоциональное напряжение дома. На работе мне на самом деле было легче. Коллеги были вежливы со мной. Роджер интересовался моим мнением, и даже Кэрол иногда приносила мне чашку чая. Я была добра к пациентам, им доставалось все внимание, которое следовало уделять семье. Я понимала, что все испортила, но почему-то возможность попросить прощения так и не представилась. Лиззи не желала говорить о прошлом, по крайней мере со мной.

Говядина лежала в лужице собственного сока, ее аккуратно нарезанные ломтики свернулись и посеребрили. Я принялась убирать со стола. Сложила тарелки в посудомоечную машину и залила противень горячей водой. Майк назвал бы мои действия отвлекающей терапией. Я занялась кухней вместо того, чтобы разбираться с проблемой.

Дверь в сад открылась, и я услышала стук ботинок, сброшенных на коврик. Нейтан прошел на

кухню, с торжественным видом держа в руках букет нарциссов.

— Вот! Для Лиззи.

— Она уже ушла.

— Даже не попрощалась... — В его голосе прозвучало разочарование обиженного ребенка. Он достал из комода вазочку, которую Лиззи вылепила, когда была маленькой, — одно из моих сокровищ. Витки обожженной глины были кривоваты и неравномерно окрашены в розовый и зеленый цвета.

— Она расстроилась. Майк бросил ее сегодня, их отношениям конец.

Я начала мыть бокалы. Мне не хотелось посвящать мужа во все, о чем мы говорили, — это было слишком болезненно, слишком реально.

— Ох уж эти психотерапевты...

— А что плохого в психотерапии? — Как ни странно, я тут же оказалась на стороне дочери. — Нашей клинике не помешал бы психотерапевт. — Я отогнала мысль о том, что если бы Лиам обратился к нужному специалисту, он мог бы остаться в живых.

— Но Майк слегка витал в облаках, ведь так? Он немного незрелый.

— Она любила его.

— Ну да. Любовь. — Муж водружал цветы в вазу, склонив голову набок, поглощенный этим занятием. — Мне кажется, Лиззи хочется приключений. Может, она даже рада, что он ушел. Думаю, она предпочитает свободу.

В его устах слово «любовь» звучало как нечто несерьезное, не слишком важное. Я выглянула из окна во

двор, где рядышком, опираясь друг на друга, стояли наши велосипеды — старомодные, с широкими седлами и плетеными корзинами, чуть ржавые, но прослужившие нам долгие годы. Я не клюнула на крючок и не обиделась. В его замечании не было ничего личного, он просто желал дочери добра. Он только что сорвал для нее несколько своих драгоценных белых нарциссов. Все цветы, которые он выращивал, были белых оттенков. Под вишневым деревом росли серебристые крокусы и морозник цвета слоновой кости, а по обеим сторонам дорожки — бледные подснежники. Зато по соседству, в саду Виктории, сияли, источая тепло, как сама их хозяйка, оранжевые анютины глазки, желтые нарциссы и пестрые тюльпаны.

Передо мной вдруг возник образ, настолько переполненный подробностями, будто он, непрерывно обрастая ими, вырисовывался в моем сознании все это время. Я увидела, как мой французский пациент стоит у мольберта, рисуя ранние желтые нарциссы в ярко-зеленой вазе перед ним, а его красивая жена, напевая, убирает со стола в комнате, выкрашенной, как крыши в Провансе, в оранжево-розовый цвет. От нее веет лимонным или лавандовым ароматом дорогих духов, которые он дарит ей на каждый день рождения, потому что этот запах напоминает им Арль. Она кладет тонкую руку ему на плечо. Он смотрит на нее и улыбается теплой улыбкой, накрыв ее ладонь своей, а она наклоняется, чтобы успеть его поцеловать, пока их очаровательный мальчик играет во дворе на качелях.

Я поставила бокалы вверх дном на сушилку и вытерла руки. Наступило то скучное время после вос-

кресного обеда, когда мои мысли начинали бесцельно блуждать, то и дело возвращаясь к пациентам, которых я больше никогда не увижу. Прием обычно требует душевного напряжения, ведь перед тобой открывают секреты и обнажают скрытые страхи. Пациенты тебе доверяют, и ты становишься им ближе, чем большинство друзей. А потом все заканчивается. Связь обрывается. Ты уже не нужна, твоя роль исполнена, ты больше о них ничего не узнаешь.

Я убрала мясо в холодильник и захлопнула дверцу. Конечно, это хорошо. Пациенты не показываются — значит, им стало лучше. Разве не этого мы добиваемся? От тех, кто возвращается снова и снова, всякий раз замирает сердце. Ты не можешь им помочь, как бы ни старалась. Врачи их так между собой и называют: нервотрепы. Вроде Брайана с его бесконечным списком жалоб и проблемами, которые невозможно решить. Я убеждала себя выбросить Люка Лефевра из головы, ведь он больше не был моим пациентом. Ему наверняка стало лучше, и нам не суждено было увидеться.

Я стала протирать стаканы и ставить их в буфет один за другим.

— Она очень быстро его забудет. — Нейтан укоротил стебель очередного цветка и втиснул его вместе с остальными; для этой вазы их было слишком много, им требовалось больше места.

— А ты забыл бы меня, если б я исчезла?

— Лиззи молода, а молодежь сильнее. — Он не ответил на мой вопрос, вероятно, решив, что в этом нет необходимости. — Она это переживет, можешь не волноваться.

Он знал ее лучше, чем я, хотя сознавать это было больно. У учителей отпуск долгий; он проводил с дочерью больше времени в ее детстве. Он отвечал за лакомства и вылазки на природу; был веселым родителем, придумавшим игру в поиски сокровищ; ему она доверяла свои тайны; он был хорошим полицейским на фоне плохого — меня. Когда я возвращалась с работы, мне оставались только всякие мелочи — проверить домашнее задание или уложить спортивную сумку. Я наверстывала все по выходным или хотя бы пыталась это делать. Я посмотрела на фотографию, стоявшую в серебряной рамке на столе в гостиной, — Нейтан с лопатой на плече улыбался в камеру; семилетняя Лиззи, насупившись, присела на корточки в нескольких шагах от него с грязными луковицами в руках. Только папина дочка, даже тогда.

Возможно, муж был прав — она жаждала приключений и свободы. Как я могла ее в этом винить, если сама желала того же самого?

Нейтан поставил вазу в центр стола и отступил, чтобы полюбоваться на дело рук своих. Пеппер громко взвизгнул — муж наступил ему на лапу.

— Проклятый пес, вечно он путается под ногами! — Нейтан не рос в доме с собаками, для него они были лишней заботой, досадной помехой. — Я думал, мы договорились вернуть его Лиззи, ты что, забыла?

Я наклонилась к Пепперу и погладила по голове. Я любила его. Мне нравилось, как он приходил ко мне по утрам, нравились его шелковистые уши и даже его упрямство. Нейтан угадал — я забыла вернуть

собаку. Я забывала так много всего, что иногда казалось, я теряю рассудок.

Ко мне постоянно обращались такие женщины, как я — трудоголики на пороге менопаузы. Они жаловались на забывчивость и тревогу. Я объясняла, что менопауза — не болезнь, а скорее состояние, требующее внимания. Мы обсуждали диеты, масло примулы вечерней и витамины, решали, нужна ли гормонозаместительная терапия. Я советовала больше общаться с друзьями и выделить время для физических упражнений.

Я сдернула поводок с крючка над комодом.

— Выведу его на прогулку. В холодильнике есть торт.

Нейтан подал мне пальто и чмокнул в щеку на прощание:

— Не переживай насчет Лиззи. Майк ей совсем не подходил.

А мы друг другу подходим? Я заметила облегчение, мелькнувшее на лице Нейтана, когда он закрыл за мной дверь. Так ли уж сильно он теперь мне нравился?

Воздух на улице был прохладным, на небе уже показался серп луны. Очевидно, наши отношения дали трещину. Словно на фарфоровой тарелке — тонкую, как волос, пока не привлекавшую внимания. Кто знает, наверное, так бывает во всех долгих браках — приходит время, когда тонкие трещины вдруг становятся заметны. Вряд ли стоило просить советов у знакомых. Несколько пар в моем окружении, казалось, с годами стали еще ближе. К примеру, наши соседи Хелен и Колин Деншем в восемьдесят

лет гуляли под ручку с вполне счастливым видом. Вероятно, мы тоже так выглядели со стороны. Нейтан всегда был довольно весел, и мы не ссорились, по крайней мере на людях. Мое беспокойство никому не бросалось в глаза, оно могло быть просто возрастным симптомом. Моя жизнь пролетала так быстро, что хотелось замедлить ее бег и испытать что-то совершенно иное, пока не стало слишком поздно.

Мы с Пеппером обошли вокруг Хористерс-Грин, миновали Момпессон-Хаус, построенный в восемнадцатом веке, и другие здания — бережно хранимые жителями города памятники архитектуры. Огромные деревянные ворота Норт-Кэнонри на этот раз были открыты. Мой взгляд мельком уловил внутри красную машину. Быстро темнело, в первые недели весны вечер наступает рано. В окнах наверху горел свет, как бы ожидая новых жильцов, которых, в отличие от меня, не будут беспокоить отголоски прошлого. Я всегда тонко чувствовала это место, окрестности собора, сам Солсбери. Я возвратилась сюда после учебы и стала работать в клинике, чтобы быть рядом с отцом и присматривать за ним до его смерти. Поженившись, мы с Нейтаном остались жить в моем отчем доме. Это было не бог весть какое приключение, как я теперь понимаю, но Нейтан был не против, а я вечно занята и благодарна ему за понимание. Я управлялась со всем: работала полный день, занималась домом, руководила семьей. Я не возражала, мне даже в голову не приходило возражать, но, по мнению Лиззи, это и было проблемой. Я должна была протестовать. Я хваталась за все сразу и в итоге

ничего не делала хорошо. Лиззи собиралась жить совсем иначе.

Когда мы подошли к кустам, Пеппер начал скулить. Я отпустила его с поводка, чтобы дать покопаться в листьях, и пошла вперед, погруженная в воспоминания о былых годах, о компромиссах и ошибках, о любви и усталости. Я не задумывалась в ту пору о том, что что-то упускаю. Это было нечто другое — какая-то иная грань жизни, которая ускользала от меня в повседневной рутине. Я была слишком уставшей, слишком занятой.

Гравий похрустывал под ногами, и вдруг я услышала позади такой же тихий хруст — будто эхом отдавались мои шаги. Я не сильно встревожилась — не больше, чем в случае с машиной. Было еще не так поздно, и поблизости находились люди. Они возвращались через Подворье домой после вечерней молитвы. Я не испугалась. Мне просто стало не по себе, вот и все.

— Пеппер, иди сюда, глупый пес! Живо!

Раздался громкий шорох, заросли зашевелились, Пеппер выскочил из кустов и подбежал ко мне, виляя хвостом. Ветки позади него снова стали неподвижными. Я огляделась. За спиной никого не было, в поле зрения тоже. Шаги оказались воображаемыми. Я все выдумала; мой разум сыграл со мною злую шутку. Я взяла Пеппера на поводок и поспешила к выходу с территории собора; пес бежал рядом со мной. Больше я не оглядывалась.

Дровяная печь, похоже, погасла, в доме было прохладно. Витая ваза Лиззи смотрелась вспышкой цвета на столе, ярким пятном на сером фоне. Вошел Нейтан,

держа в руках тетрадь и на ходу исправляя в ней что-то красной ручкой — воскресными вечерами он обычно проверял домашние работы. Муж включил чайник.

— Что-то ты запыхалась, — заметил он, взглянув на меня поверх своих очков-полумесяцев.

— Последние ярды я пробежала. Мне слышались чьи-то шаги позади.

— Ты видела, кто это был?

— Никого там не было, мне почудилось.

Я не призналась, что не перестала слышать те шаги и ощущать угрозу, которая их сопровождала. Нейтан налил чай и протянул мне кружку.

— Обычное дело, когда устанешь под конец дня.

«Он просто добр ко мне, не выискивай в его словах снисходительность», — сказала я себе.

— У тебя щеки порозовели! — продолжал муж, одобрительно улыбаясь. — Выглядишь на десяток лет моложе!

Я обхватила кружку ледяными руками. Я не мечтала помолодеть. Я думала, что зрелость станет началом чего-то нового. Я надеялась, что буду отличаться от женщин, приходивших ко мне в клинику. Я ожидала, что почувствую освобождение, но вместо этого стала пугливой. Бывший парень Лиззи сказал бы, что шаги за спиной символизируют догоняющее меня прошлое, дела, которые я не сделала или хотела бы сделать лучше, альтернативные варианты поступков, которые я могла бы совершить.

Аромат нарциссов наполнял кухню. Я дотронулась до бледного лепестка.

— Лиззи любила тебе помогать, когда ты высаживал луковицы.

— Она это переросла. Думаю, она уже сто лет не прикасалась к лопате. — Нейтан набрал охапку дров из стопки у комода. — Я разожгу огонь, ты дрожишь.

— Спасибо, — улыбнулась я ему.

Он взял спички и, насвистывая, вышел за дверь.

Разве можно перерасти то, что любил когда-то в юности? Ты просто зарываешь его поглубже, как Нейтан свои луковицы, и оно ждет там, в темноте, возвращения теплых дней. Когда-то я любила путешествия, радовалась, открывая для себя новые места. Я любила рисовать, мои старые альбомы для эскизов лежали в нижнем ящике моего стола. Я не переросла все это, я просто похоронила его, у меня больше не было времени.

Позже, когда я уже дремала в постели, Нейтан пробормотал:

— Я отметил в календаре дату. Нас пригласили на новоселье в каких-то числах апреля.

— На какое новоселье?

«Что вылетело у меня из головы на этот раз?»

— Новые жильцы въезжают в Норт-Кэнонри; приглашение лежало утром на коврике у двери. Белая карточка из плотной бумаги. Я думал, ты видела.

Вот почему горел свет в тех окнах сегодня вечером — новые обитатели, должно быть, уже заселились.

— И что там было?

— Какая-то двойная фамилия, Офелия Форбс... что-то там... почтет за честь видеть вас... В таком духе. Канапе и шампанское.

Офелия. Бледное тело и запрокинутая голова. Офелия с картины Милле с раскинутыми в стороны руками и открытым ртом, в мокрой одежде, с цвета-

ми в волосах. Утопленница. Ее лицо проникло в мой сон, превращаясь в бледное лицо Лиззи, наполовину скрытое водой. Глаза дочери смотрели на меня все еще яростно. Я проснулась в ужасе, хватая ртом воздух, но мерное дыхание Нейтана меня успокоило. Я положила руку на его спину. Страсть не имеет значения; солидарность, поддержка — вот что главное в долгом браке. И верность.

— Мне повезло, — прошептала я. — Я счастливица.

Глава 5

Апрель 2017 года

Раскинутые руки и цветы оказались вещами. Офелия стояла в широко распахнутых дубовых дверях, приветствуя гостей. Большой холл позади нее был залит светом, вдоль стены красовались белые цветы. Тепло и разговоры разливались в воздухе благоухающей волной; Нейтан вскинул лицо, будто впитывая этот аромат.

— Добро пожаловать в наш дом!

Она не назвала себя, считая само собой разумеющимся, что мы сами поймем, кто здесь хозяйка, и мы, конечно, поняли. Она быстро скользнула глазами по нашим лицам и постаралась расположить нас к себе. Ее красота была холодной и отточенной, как у кинозвезды пятидесятых, вроде Грейс Келли или Типпи Хедрен — старомодный гламур в духе Хичкока. Ее свободно уложенные светлые волосы были унижены цветами, что выглядело бы смешно на мне, но на ней смотрелось потрясающе. Она была одета в платье-

футляр из сливового бархата, искрящегося золотыми переливами; в своем коричневом одеянии я почувствовала себя воробьем рядом с райской птицей.

Нейтан уговорил Лиззи тоже прийти; она написала, что задержится, и присоединилась к нам уже у входа. На ней были джинсы и черный свитер, на шее висели металлические цепочки; в сочетании с алой помадой и косой челкой это выглядело эффектно. Враждебность в ее взгляде была заметна только мне.

— Рэйчел и Нейтан Гудчайлд и наша дочь Лиззи, — представился Нейтан, пожимая протянутую Офелией руку; его серо-голубые глаза блестели, как галька, только что омытая морской волной. — Мы живем сразу за Северными воротами на Де Вокс Плейс.

— Ах, в этом милом маленьком ряду домов? Вам очень повезло!

Определив наше место, по крайней мере в географическом смысле, она поцеловала Нейтана, а затем меня. Я уловила аромат фрезий.

Лиззи отступила на шаг.

— Я живу на Миллфорд-Хилл, на другом конце города, — сказала она. — Отдельно от родителей.

— Мы разослали приглашения всем, кому смогли, — улыбнулась Офелия, скользнув по Лиззи взглядом. — Это меньшее, что мы могли сделать после стольких месяцев ремонта и строительных лесов. Вы, наверное, нас ненавидели!

Ее американский акцент был легким, но очаровательным. Во всяком случае, Нейтан явно был им покорен.

— Вообще нет, — пробормотал он. — Всем не терпелось поскорей познакомиться с новыми соседями.

— А вы, вероятно, викарий?

Епископ Солсберийский стоял в холле, болтая с деканом и каноником, так что это было правомерное предположение.

— Я работаю учителем в школе через дорогу. — Нейтан обнял меня за плечи, но не спускал глаз с Офелии. — Рэйчел врач, а Лиззи работает в городской библиотеке.

Офелия придвинулась к нему ближе, ее улыбка стала шире. Она выглядела такой довольной, будто была именинницей и только что получила подарок, о котором мечтала.

— Мне, кажется, знакомо ваше имя! Вы учитель в Кафедральной школе, я читала на сайте. Преподаете историю, верно?

Нейтан кивнул со счастливой улыбкой.

— Какое совпадение! Наш сын Оскар идет в вашу школу на следующей неделе. — Она не упустила возможность и с легким смешком взяла Нейтана под руку. — История — его любимый предмет! Я вас познакомлю. Он приступает к учебе с понедельника, посреди семестра. Он такой нервный, с моей стороны было жестоко переводить его из лондонской школы, но увы, пришла пора переезжать в этот дом.

Ее изящные ногти впились в рукав Нейтана. Было что-то жесткое в ее гладком молодом лице, за блеском в глазах скрывалась твердость, она была из тех женщин, которые не боятся воплощать свои планы в жизнь. В этот момент кто-то окликнул ее по имени.

— Напитки в библиотеке, — сказала она. — Мой муж где-то рядом, вы сразу его узнаете — он не

слишком опрятный и очень много говорит. Я подойду к вам попозже.

Она отвернулась, приветствуя очередного только что прибывшего гостя, высокого рыжеволосого курчавого мужчину в жилете и с галстуком-бабочкой.

— Генри! — Улыбка снова засияла на ее красивом лице.

В библиотеке в глубоком камине пылал огонь; язычки пламени плясали, отражаясь в старинных многоугольных окнах. Ряды книг в кожаных переплетах выстроились на полированных полках, доходящих до потолка; стены были отделаны красным шелком; под ногами лежал толстый персидский ковер. На круглом столе расположился бюстик какого-то ребенка, на другом — старый глобус. В углу тикали изящные напольные часы. В толпе я заметила Эбби — одетая у униформу с наколкой, она лавировала между гостями с подносом в руках. Несколько прядей выбились из ее прически и прилипли к покрасневшимся щекам. Она выглядела сосредоточенно-озабоченной. Офелия как-то нашла подход к уборщице Виктории; очевидно, она умела получать все, что хотела. Я помахала Эбби рукой, но та собирала пустые бокалы и меня не заметила.

— Это все суета, — прошептал Нейтан. — Давай выпьем, а потом уйдем.

Он был очарован Офелией, но, непривычный к такому окружению, чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, как и я, только с той разницей, что у меня не было ощущения паники или скуки. Мне нравились общество и блеск; я соскучилась по этому.

Нейтан начал было проталкиваться через толпу, но перед ним возник директор Кафедральной школы Саймон Холмс — Офелии следовало поставить высший балл за расторопность! Своим тупым лицом и острыми зубами Саймон напоминал мне бобра. Он быстро двигался в нашу сторону, пробираясь сквозь толпу, словно сквозь бурный поток.

— Хоть одно знакомое лицо! — проговорил он с облегчением, хлопнув Нейтана по плечу.

Его жена улыбнулась мне. Если Саймон был похож на бобра, то Сара — на лошадь, но симпатичную и в красной блузке с белым отложным воротничком.

— Я так рада, что вы здесь, Рэйчел. Мы были немного растеряны. Понятия не имели, что это официальный прием.

До последнего момента я тоже. Я огляделась — большинство мужчин были в строгих костюмах, а женщины — в шелках или бархате. Мой взгляд остановился на Лиззи — ее лицо сияло, она смеялась. Она была с высоким мужчиной, который прислонился к стене спиной к нам, его светлые кудри касались воротника. Пока я наблюдала, он обернулся, махнув рукой кому-то в зале, и показал свой гладкий красивый профиль.

«Американец, как и наша хозяйка», — догадалась я, судя по его росту, загару и расслабленной позе.

Он огляделся по сторонам, как делают люди, почувствовав чей-то взгляд, и улыбнулся, заметив меня. Его зубы были очень белыми, как в рекламе зубной пасты. Сказав что-то Лиззи, он взял со столика бутылку шампанского и направился к нашей группе.